

Г.Х. Шахназаров

ОЦИАЛИЗМ И БУДУЩЕЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Г. Х. Шахназаров

СОЦИАЛИЗМ И БУДУЩЕЕ

Москва

Издательство «Наука»

1983

Книга президента Советской ассоциации политических наук и первого вице-президента Международной ассоциации политических наук Г. Х. Шахназарова «Социализм и будущее» представляет собой опыт комплексного исследования тенденций современного общественного развития и оценки его перспективы. Опираясь на обширный фактический и теоретический материал, автор высказывает суждение о темпах и характере прогресса человечества в эпоху революционного перехода от капитализма к социализму. В работе рассматриваются закономерности международных отношений, сложившееся на мировой арене соотношение сил и его воздействие на решение глобальных проблем современности, прежде всего проблемы сохранения мира и формирования нового миропорядка. Анализ тенденций социального развития сопровождается критическим разбором основных направлений общественно-политической мысли и изложением марксистско-ленинского подхода к вопросам, стоящим в центре борьбы идей. Книга завершается очерком предвидимого будущего, принимающим в расчет выводы опубликованных за последние годы моделей и сценариев мирового развития.

От автора

В основу книги положены три монографии, опубликованные в 1978—1981 гг.: «Социалистическая судьба человечества», «Фиаско футурологии» и «Грядущий миропорядок» (М.: Политиздат). Соединение их в единое целое продиктовано стремлением охватить совокупность основных тенденций, действующих в современном мире, и на этой основе по возможности более точно оценить перспективы его развития. Это потребовало существенного переосмысления ряда проблем, обновления и дополнения материала, а в ряде случаев введения новых фрагментов.

Автор постарался также учесть критические замечания и пожелания, высказанные в рецензиях и при обсуждении работы в Институте государства и права АН СССР, Советской ассоциации политических наук и Философском обществе СССР.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ БУДУЩЕГО

Три способа предвидения

Испокон веков одним из сильных и страстных желаний человечества было угадать свой завтрашний день. Это желание диктовалось и пытливостью разума, и надеждой сбросить с себя извечный страх перед неумолимым роком, и стремлением распоряжаться собственной судьбой, самому планировать и строить свое будущее.

Существует не так уж много способов заглядывать в будущее. Если оставить в стороне религиозные мифы, сулящие где-то в финале сочетание «страшного суда» с царствием небесным, таких способов три¹. Самый древний и, пожалуй, самый популярный — *утопический*, т. е. конструирование некоего идеала общественного устройства в отдаленных местах — на планетах Солнечной системы, в затонувшей Атлантиде, чаще всего на островах — или в грядущие века и тысячелетия.

Вопреки довольно распространенному заблуждению, утопии, как правило, отнюдь не являются плодом буйного воображения оторванных от действительности мечтателей. Напротив, они порождаются самыми жгучими потребностями жизни и представляют собой нечто вроде конструкторских разработок. В большинстве своем их авторы не только верят в возможность строительства идеального общественного порядка на основе предложенных ими принципов и чертежей, но и прямо призывают к этому всех разумных и просвещенных людей. Широко известно, например, что Шарль Фурье в письмах королям и прочим сильным мира сего с жаром доказывал преимущества своей системы «социальной гармонии», как сделал бы любой изобретатель, и просил оказать финансовое содействие осуществлению этого грандиозного проекта.

Еще один момент, на который следует обратить внимание, — достаточно высокий процент реальности тех или иных решений, предлагавшихся утопистами. Строго говоря, утопизм, несбыточность характерны прежде всего и главным образом не для описанных ими целей, а для средств их достижения². Это относится уже к «Го-

¹ Различные классификации насчитывают до полутора десятков методов предвидения. Они основаны, однако, на смешанных логических основаниях или детализации отдельных методов. Не оспаривая возможности многочисленных подходов к проблемам будущего, мы считаем правомерной и предлагаемую типологию.

² Трудно согласиться с утверждением И. В. Бестужева-Лады, характеризующего утопизм как представление о желаемом будущем, которое «субъек-

роду солнца» Томмазо Кампанеллы и «Утопии» Томаса Мора. Это тем более относится к произведениям Сен-Симона, Фурье, Оуэна и других выдающихся утопистов нового времени, сумевших предвидеть поразительно многое из социалистической практики, начиная от таких общих принципов, как плановое ведение общественного хозяйства, и кончая деталями вроде устройства детских садов.

Именно реалистическое содержание утопического социализма дало основание признать его одним из теоретических источников марксистско-ленинской науки о коммунизме.

Следующий способ предвидения можно назвать *гипотетическим*, поскольку образ будущего рисуется путем последовательной разработки какой-либо частной гипотезы. Здесь речь уже никоим образом не идет об идеале: создатель соответствующей теоретической конструкции не отталкивается от желаемого, а как бы восходит к должному, иначе говоря, берет на себя задачу воспроизвести один из возможных вариантов развития исторического процесса.

Чаще всего этот метод используется в научной фантастике, особенно в так называемом романе-предупреждении. Уже из названия очевидна сверхзадача — предостеречь от нежелательного, опасного для всего человечества или какой-то его части хода событий. Сам характер такого предостережения свидетельствует о том, что автор не считает предсказанный им исход неотвратимым и по крайней мере призывает предпринять все возможные действия, чтобы его избежать.

Замечательным и пока непревзойденным мастером этого направления научной фантастики был, бесспорно, Герберт Уэллс. В лучшем из его романов-предупреждений «Машина времени» за основу развития истории на многие десятки тысяч лет взята гипотеза неизбежности капиталистического способа производства и распределения. Логически обоснованный итог — полное умственное и физическое вырождение паразитирующего слоя «эллов», почти аналогичная степень деградации загнанных под землю производителей «морлоков», распад связи времен, фактически неизбежная гибель общества.

Об угрозе фашизма предупреждали в довоенные годы Карел Чапек («Война с саламандрами») и в послевоенные — Рей Бредбери («451° по Фаренгейту»), на опасность утраты связи человека с природой и абсолютизации технического прогресса указывали Станислав Лем («Возвращение со звезд») и Пьер Буль («Планета обезьян»). Наряду со многими произведениями научной фантастики, выполнявшими функцию общественного колокола, создавались антиутопии, которые используются реакцией в идеологической борьбе с революционным движением. Образцом такого рода антиутопии слу-

тивно кажется научным, т. е. опирающимся на знание, а не на веру, но объективно оказывается не основанным на научном понимании закономерностей развития природы и общества и поэтому неосуществимым» (*Бестужев-Лада И. В.* Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования. М.: Мысль, 1970, с. 16). Несправедливо отказывать утопии в научности и, следовательно, в осуществимости отдельных ее элементов.

жит роман Дж. Оруэлла «1984», о котором речь пойдет ниже. На книжный рынок Запада обрушился поток и так называемой коммерческой фантастики: за полдоллара обыватель может вволю пощекотать себе нервы кошмарными сценами грядущего апокалипсиса.

Особняком от романа-предупреждения стоят еще два вида научно-фантастического предвидения. Подобно тому, как Герберт Уэллс выступил зачинателем социального направления, Жюль Верн стал признанным родоначальником направления технического, которое сейчас является, пожалуй, наиболее процветающим. Кроме того весьма своеобразным и, к сожалению, редким жанром можно считать художественное изображение общества будущего, основанное на принципах современной науки, прежде всего теории научного коммунизма, и обобщении практики обновляющегося мира. Едва ли не единственным крупным произведением этого жанра служит роман советского ученого и писателя-фантаста И. Ефремова «Туманность Андромеды».

Наконец, третьим и наиболее достоверным способом предвидения является способ *прогностический*. В конечном счете возможность такого предвидения основана на детерминированности исторического процесса, на причинно-следственной связи событий вдоль его основной, временной координаты.

Вот как раскрыл эту объективную предпосылку угадывания будущего Уильям Шекспир в трагедии «Генрих IV»:

*Есть в жизни всех людей порядок некий,
Что прошлых дней природу раскрывает.
Поняв его, предсказывать возможно
С известной точностью грядущий ход
Событий, что еще не родились,
Но в недрах настоящего таятся,
Как семена, зародыши вещей,
Их высидит и вырастит их время.*

В этом поразительном по глубине суждений указаны едва ли не все основные особенности прогнозирования. Именно постижение господствующего в истории порядка или закономерности, протянутой из прошлого в будущее, позволяет строить предположение о дне грядущем, хотя лишь с «известной точностью» — оговорка, достойная не поэта, а естествоиспытателя. Настоящее беременно будущим, которое зарождается сегодня и потому не укрыто от нашего наблюдения.

Вдумавшись, нетрудно прийти к выводу, что все упомянутые выше способы предвидения имеют под собой в конечном счете одну и ту же гносеологическую основу, все они (хотя и в разной степени) проецируют в будущее элементы и процессы современной действительности либо порождаемые ею проблемы. В чем же их принципиальное различие?

Утопия, как уже говорилось, идет от идеала; жизненное начало присутствует в ней постольку, поскольку человеческое сознание погружено корнями в условия существования общества, неотделимо от мира земных забот и надежд. Прогноз идет от жизни, идеальное начало присутствует в нем лишь в той мере, в какой объективный ход исторического развития совпадает с представлением о желаемом. Утопия почти всегда гуманна. Прогноз бесстрастен.

Что касается гипотетического предвидения, то, отталкиваясь от реальной тенденции, оно сознательно игнорирует все прочие и даже не пытается раздумывать над вопросом, какая из них имеет наибольшие шансы взять верх. Короче, речь идет о намеренном отказе от комплексной проекции настоящего в будущее, об искусственной гиперболизации частного, возможно даже случайного, элемента исторического процесса.

В отличие от этого главная предпосылка сколько-нибудь достоверного прогнозирования заключается как раз в комплексном охвате явления, процесса, системы со всеми их внутренними и внешними связями. Прогноз представляет собой не что иное, как *обоснованный выбор одного из возможных вариантов хода событий в качестве наиболее вероятного*, и, следовательно, он немыслим без учета и предварительного отклонения всех других вариантов.

Иначе говоря, одним из существенных технических условий достоверности прогноза служит способность пересчитывать предположительные варианты, сравнивать их по всем параметрам, сопоставлять с проявляющимися в данной сфере закономерными связями, вносить коррективы на случайные отклонения, которые сами поддаются измерению и могут быть описаны в качестве одного из постоянных факторов, и т. д.

Следует заметить, что существуют различные подходы к определению прогноза. Согласно одному из них, наиболее распространенному, все прогнозы многовариантны, имеют свои низшие и высшие пределы, например прогнозы-предупреждения, показывающие, как пойдет развитие, если не будет никакого перелома в наблюдаемых ныне тенденциях («алармистские» выводы ученых из «Римского клуба» — Медоуза, Месаровича, Пестеля). Используется и понятие «нормативного» прогноза, указывающего, как должно пойти развитие для достижения определенных целей (скажем, для двукратного сокращения к 2000 г. нынешнего разрыва между развитыми и развивающимися странами по размеру внутреннего национального продукта (ВНП) на душу населения — расчеты американского экономиста В. Леонтьева).

Разумеется, слово «прогноз» может употребляться в разных значениях. Но в приведенных случаях уместнее, по-видимому, применить понятие «сценарий», подчеркнув тем самым *условность, заданность* расчета или размышления о будущем.

Футурология: надежды и разочарования

Легко понять, какой революционный переворот в деле предвидения обещало (и продолжает обещать) появление кибернетики.

Три десятилетия назад, когда начали вступать в строй первые поколения электронно-вычислительных машин и возможности мозга умножились многократно, считалось едва ли не само собой разумеющимся, что бурный прирост знаний в короткое время не оставит белых пятен в сфере ближайшего окружения человека и наука переключится на разгадывание куда более величественных тайн микро- и макромира.

Этот оптимизм имел под собой внушительное основание: было подсчитано, что примерно каждые 15 лет объем информации, накопленной за всю предыдущую историю, удваивается. Конечно, не каждый бит новой информации полезен. Но ведь так же, если не хуже, обстояло дело и в прошлом. Весьма вероятно, что, пока Коперник конструировал адекватную модель мироздания, в соседних кельях Фромбургского монастыря вычисляли предельную норму концентрации чертей на игольном острие.

ЭВМ и связанный с ними информационный взрыв породили самые радужные надежды и вызвали, в частности, мощный приток ассигнований и интеллектуальных сил в сферу кое-как до того перебивавшейся на Западе футурологии³. Один за другим возникали исследовательские центры и открывались специальные отделения при высших учебных заведениях. Свои секторы или группы прогнозирования сочли полезным учредить разведывательные службы империалистических государств и правления монополистических корпораций. Эта лихорадочная активность в скором времени привела к появлению значительного числа исследований, дающих ответы на вопрос о том, что будет в 1980, 1990, 2000 гг. и т. д. Карта будущего была разрисована не хуже, чем, скажем, карта Луны, и оставалось только дожидаться подтверждения ее аккуратности.

Можно назвать несколько причин, в силу которых футурология неожиданно стала столь популярной и даже модной наукой, а ее быстро созревшие оракулы вроде Г. Кана и А. Винера были окружены лживым вниманием прессы, хотя они пока еще только «выдавали» предвидения и не могли похвастать тем, что они сбываются

³ Мы не приставляем к этому слову эпитет «буржуазная» по той причине, что эта наука со всем своим теоретическим и методологическим аппаратом с самого начала была одним из ответвлений западной политологии. Вместе с тем марксистская традиция не дает оснований к выделению этой отрасли знаний в самостоятельную науку. «Необходимо подчеркнуть неправомерность самого термина „футурология“ — „наука о будущем“, — пишет болгарский философ П. Ганчев. — Во-первых, потому, что не может быть особой науки о будущем, всякая наука исследует в своей области и будущее. Во-вторых, такая наука есть — это исторический материализм» (Ганчев П. Футурология и прогнозистика. С., 1973, с. 20). В этой аргументации есть известное противоречие. В строгом смысле слова исторический материализм также является не «наукой о будущем», а наукой об обществе. Другой вопрос, что, раскрывая общие закономерности развития, исторический материализм служит надежной методологической основой предвидения.

на практике. В первую очередь это упоминавшаяся выше нормальная любознательность, искони присущая человеческому роду вообще и людям науки в особенности. Далее это острая потребность капиталистического истеблишмента знать хотя бы в общих чертах, какие неприятности его ожидают в ближайшем будущем (в сфере производства, рыночной конъюнктуры, отношений с трудом, межгосударственных конфликтов и т. д.), чтобы принять возможные профилактические меры.

Одной из чисто утилитарных причин молниеносно подскочившего интереса к прогнозам явился их значительный коммерческий эффект. Бизнесмены всегда прекрасно понимали, как много можно заработать, имея более или менее точное представление о соотношении предложения и спроса на ту или иную продукцию, о господствующих направлениях моды и прочее, через год, три, пять, десять лет. Первые результаты прогнозирования с помощью счетной техники превзошли в этом смысле все ожидания. Было подсчитано, что доллар, вложенный в разработку прогнозов, оборачивается 50 долл. чистой прибыли⁴. И хотя речь шла, видимо, о периоде «снятия сливок», крупные компании щедро распахнули футурологам свои сейфы.

Но при всем значении этой потребности наибольшим импульсом для разработки футурологической жилы стала надежда извлечь из нее некий идеализированный образ будущего, который мог бы стать идейным знаменем сторонников капитализма, математически обоснованным аттестатом его долговечности.

В этой связи нельзя не вспомнить, что на протяжении чуть ли не полутора столетий буржуазная наука и пресса изощренно острили по поводу «провиденциального» характера марксистского учения, его «претензий» на предвидение будущего, что «роднит это учение с утопией или даже религией». Любопытно, что иные антикоммунисты и сейчас продолжают использовать этот мотив, чтобы высокомерно посмеяться над «незадачливыми» марксистами, которые воображают, что могут провидеть грядущее⁵.

А сколько было высказано похвал по адресу противопоставляемого марксизму позитивизма, с каким жаром утверждалось, что своими истоками он восходит к Декарту и представляет западноевропейское рационалистическое мышление, которое отрицает всякого рода идеологические влияния, доверяет только истине, добытой эмпирическим путем, лишено классовых и партийных пристрастий.

И вот вопреки всем этим постулатам, которыми буржуазная социология в какой-то мере сама себя завороживала, ей пришлось бро-

⁴ См.: *Фесенко Р.* Бум прогнозов в США.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1968, № 3.

⁵ Примером может служить очередное сочинение ренегата СЕПГ Вольфганга Леонгарда (*Leonhard W.* Die Zukunft des Sowjetkommunismus. München, 1975). Поиронизировав над «марксистским провиденциализмом», он ухитрился заполнить солидный том не чем иным, как... всевозможными несбывшимися пророчествами антикоммунистов, а затем выдать новую порцию столь же «достоверных» прогнозов, базирующихся на проекции в будущее реформистско-ревизионистских концепций социализма.

силь едва ли не основные свои силы на поиски приемлемого для капитала будущего. Во избежание упрощенческих оценок стоит повторить, что здесь сказалась и здоровая любознательность. Но главная роль все-таки принадлежала социальному заказу, потребности государственно-монополистического капитала противопоставить коммунистическому идеалу нечто большее, чем христианская проповедь райских кущей в загробной жизни.

Изобретатель термина «футурология» Осип Флехтхейм свидетельствовал, что его целью было отмежеваться как от одиозных идеологических доктрин прошлого, так и от марксистского «утопического мышления». Футурология задумывалась им в 40-х годах как «привлекательный позитивный контраст и идеологии, и утопии». призванный увлечь массы буржуазно-демократическими идеалами. В последней своей работе Флехтхейм утверждает, что футурология способна даже сыграть роль «третьей» силы, которая повела бы человечество по «третьему», т. е. якобы альтернативному и капитализму и социализму, пути⁶.

Таким образом, футурология отнюдь не естественный плод научной мысли, которая на определенном этапе своего развития приходит к необходимости выделить новую отрасль знания. Это своеобразный теоретический гибрид, искусственно рожденный буржуазным обществоведением (политической экономией, философией, социологией, правом, политологией и психологией) в соответствии с щедро оплаченным социальным заказом. Сомнительное происхождение футурологии сказывается на всем ее облике и содержании, ибо в отличие от всякой нормальной науки, открывающей для себя истину в конце пути, она имеет заранее заготовленный результат, под который обязана подогнать любые факты. Нечто вроде задачки с ответом, указанным на последней странице учебника.

Правда, на подобное обвинение футурологи обычно возражают, что-де и марксистские представления о будущем исходят из заранее predetermined идеи коммунизма. Все дело, однако, в том, что эта идея не является продуктом чистой дедукции. Она не выведена логически из убеждения в фатальности прогресса и не имеет ничего общего с попыткой навязать действительности некий этический идеал, чем грешат все утопии. Марксизм открыл предпосылки социализма в капиталистической действительности, его рабочая гипотеза о будущем коренится в общественных тенденциях настоящего. Наконец, самое важное состоит в том, что весь 65-летний опыт человечества после Октября 1917 г. подтвердил основные выводы теории научного коммунизма.

А обязанность футурологии сводится к тому, чтобы доказать обратное, сконструировать и обосновать «некоммунистическое будущее». Уже по одной этой причине она не может считаться настоящей наукой. Но не только по этой. Предвидение — неотъемлемая функция каждой отрасли научного знания, более того, главная его

⁶ *Flechtheim O. Der Kampf um die Zukunft: Grundlagen der Futurologie. Bonn, 1980, S. 396.*

функция. Отобразить ее у отдельных наук значило бы их обесплодить. В равной мере отрицательно сказалась бы такая операция на самой prognostike — отделенная от родственной методологической базы и кое-как склеенная с прогнозирующим аппаратом других отраслей, она лишилась бы питающих ее живительных соков, невольно приобрела бы самодовлеющий характер и зачахла.

Чтобы высказать более или менее корректные суждения о том, как сложится через несколько лет производственная и рыночная конъюнктура, надо глубоко понимать механизм действия объективных экономических законов, быть специалистом не по футурологии, а по политической экономии и конкретной экономике. С другой стороны, футуролог, способный одинаково глубоко разбираться в различных сферах жизнедеятельности общества, так же невозможен, как многоборец, опережающий рекордсменов в отдельных видах спорта⁷.

Все это не означает отрицания полезных и необходимых новшеств в изучении будущего. Речь идет о prognostike — подсобной методологической отрасли, занятой отбором и совершенствованием различных приемов предвидения, установлением критериев их сравнительной эффективности и т. д. Речь идет о комплексных тематических исследованиях ближней и дальней перспективы с участием специалистов разного профиля, без чего немислимо сегодня планирование. Речь идет о координационных научных советах и административных учреждениях, берущих на себя организаторскую работу по обмену опытом и соединению, концентрации сил для «целевого прорыва» в грядущее.

Из того факта, что футурология не имеет оснований считаться наукой, не следует, однако, что на ее поприще не могут подвизаться умы большого калибра. Стоит вспомнить, что немало серьезных астрономов кормились у стола астрологии и сам Иоганн Кеплер промышлял гороскопами. Кроме того, есть обстоятельство, которое особенно содействовало притоку в новую модную дисциплину видных специалистов из университетов и исследовательских центров.

Дело в том, что футурология появилась на свет в исключительно благоприятный для себя момент, когда капитализм, казалось, обрел «второе дыхание» благодаря технической революции, а кибернетика вступила в пору раннего расцвета и искала применения своим безграничным возможностям. Более того, именно этому футурология обязана своим рождением. Социальный заказ, потребность капитала иметь альтернативный марксову образ будущего существовали и раньше, но буржуазная наука просто не бралась за решение такой задачи. Ей недоставало для этого ни вдохновения, ни размаха. О каком достойном будущем для капиталистического строя можно было помышлять в годы великого кризиса, депрессии, фашиз-

⁷ Необоснованность претензий футурологии на роль особой науки признается теперь не только марксистами. Французский социолог А. Гра усматривает главную причину этого в том, что футурология тесно связана с политикой правящих элит и озабочена в первую очередь «техникой сохранения власти» (*Gras A. La futurologie. P., 1976*).

ма и войны? Какой экран в завтра могла высветить теория, опутанная пуританским позитивизмом и низведенная до роли регистратора общественных феноменов?

Но вот все меняется. С одной стороны, благоприятная послевоенная конъюнктура, связанная с использованием щедрот научно-технического прогресса, внушает радужные надежды на продление жизни капитализма и даже его увековечение ценой сравнительно безболезненной трансформации. С другой — появляется соблазнительная возможность широко раздвинуть горизонты теоретического мышления, да притом, не покидая родной позитивистской почвы. Разве не заманчиво вместо кустарного собирания и обработки фактов получить в свое распоряжение богатырское запоминающее устройство, способное глотать любое количество информации и безотказно выдавать всевозможные прогнозы — от вероятных цен на нефть в будущем году до ВВП на душу населения стран мира к концу второго тысячелетия и соотношения потребностей человечества с природными ресурсами еще через 150 лет?

Мало кто устоял, и футурология в короткие сроки собрала под свои знамена едва ли не самых крупных специалистов, которыми располагали все отрасли буржуазной общественной мысли. С энтузиазмом вторгшись в новое Эльдorado — футурологию, они поспешили застолбить себе участки, запечатлеть свои имена в монументальных теориях. Дальше срабатывает логика «трясины», засасывающей свою жертву: если жизнь разошлась со сценарием, который мы для нее разработали, подкинем аргументы и докажем, что сценарий все равно безупречен и в конце концов непременно сбудется. За руку ведь нас не схватят.

Странное зрелище представляет собой футурология сегодня, когда опьянение мнимым всемогуществом сменилось похмельем, но кое-какие иллюзии еще живы, да и огромный вложенный сюда капитал, прежде всего интеллектуальный, продолжает выдавать известные дивиденды. Полунаука — полумистика⁸, в которой рядом с серьезными мыслителями подвизаются откровенные шарлатаны. Соответственно ее продукция представляет причудливую помесь ценных наблюдений с псевдонаучной галиматей и антикоммунистической стряпней самого низкого пошиба. Что будет с ней дальше — зависит от многого, в первую очередь от того, как, какими темпами пойдет процесс социального обновления мира. Тому ценному, стоящему, что есть в футурологии⁹, с необходимостью придется влиться в науку о социализме и коммунизме.

⁸ По мнению английского социолога Р. Юнга, футурологию следует рассматривать «скорее как поиски, чем находки, скорее как необходимую игру с предположениями, чем провозглашение безусловного, скорее как проект, чем план, скорее как наблюдение за процессом, чем определение целей» (*Jungk R. Zukunftsforscher und Zukunftsverhinder.* — Merkur, Stuttgart, 1969, H. 5, S. 495).

⁹ Ю. П. Ожегов уподобляет футурологию Янусу: выполняя прикладную функцию, она «не может обойтись без элементов научного подхода к освещению будущего развития ряда явлений и процессов. Своей же идеологической функцией она обращена в прошлое, в сторону отживающего строя» (Оже-

Обратившись к проблематике будущего, которая постоянно находилась в поле зрения марксистской мысли, большинство западных теоретиков трактуют ее с классовых позиций буржуазии. Однако интерес и расчеты отживающего класса не только не совпадают, но прямо противоречат объективному историческому процессу¹⁰. Отсюда — предвзятая оценка фактов, их искусственная подгонка под заранее «спущенный сверху» вывод. Отсюда — тщательно скрываемая с помощью показного апломба внутренняя неуверенность в достоверности своих предсказаний. Отсюда — страх перед грядущим.

О. Тоффлер, автор нашумевшей на Западе книги «Футурошок» (или «Шок от встречи с будущим») ¹¹, с пафосом описал, как чудовищно ускорились темпы научно-технического прогресса. Главная его мысль заключается в том, что акселерация, вызванная «супериндустриальной революцией», выбивает людей из привычной колеи, накатанной за многие тысячелетия развития цивилизации, и что если человечество в короткие сроки не научится управлять темпами нарастающих перемен, ему не избежать массового кризиса «приспособляемости к будущему».

Нельзя сказать, чтобы О. Тоффлер был целиком не прав. Проблема стрессовых перегрузок индивидуальной и общественной психики в век социальной и научно-технической революции, бесспорно, существует и заслуживает внимания. Однако американский публицист, увлеченный своей концепцией, явно сгущает краски. Он недооценивает и стабильность основных компонентов цивилизации, и насущную потребность в ее обновлении, благодаря чему подавляющее большинство людей прекрасно переносят ускорения эпохи и активно добиваются перемен.

«Футурошок» в большой мере выражает инстинктивный страх консервативного буржуазного рассудка перед всем, что грозит вырвать его из привычного и удобного порядка вещей, столкнуть с реалиями нового, рождающегося в муках и противоречиях мира. Как

гов Ю. П. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Политиздат, 1975, с. 23).

И. В. Бестужев-Лада отмечает, что термин «футурология» в настоящее время в зарубежной литературе имеет различные значения — «философии будущего», науки о будущем или «истории будущего», синонима прогностики, и т. д. По его мнению, термин «футурология» как в узком смысле современных буржуазных теорий будущего (типа теорий «постиндустриального общества»), так и в широком смысле всей современной немарксистской литературы о перспективах развития человеческого общества должен употребляться с эпитетом «буржуазная». См.: Прогнозирование в социологических исследованиях. М.: Мысль, 1978, с. 18—19.

¹⁰ Приведем любопытное свидетельство одного из западных социологов: «Несмотря на стремление использовать новейшие методы прогнозирования и планирования, прогнозы и планы, исходящие от истеблишмента, не могут глубоко анализировать надвигающийся кризис, поскольку основываются на интересах тех, кто несет главную ответственность за этот кризис» (*Jungk R. The Role of Imagination in Future Research.*— In: *Challenges from the Future.* Tokyo, 1970, vol. 1, p. 4).

¹¹ *Toffler A. Future Shock.* N. Y., 1975.

стареющим людям трудно воспринимать новые веяния в искусстве или даже модерный стиль в одежде, так уходящим классам трудно мириться с новациями истории.

В дальнейшем мы специально рассмотрим основные футурологические концепции. Здесь же надо констатировать, что «медовый месяц» футурологии¹² длился не так уж долго. Ее авторитет начал падать сразу после того, как наступили первые сроки платежей по «векселям» — краткосрочным прогнозам. Стало выясняться, что они почему-то чаще всего не сбываются. Например, футурологи многие годы предрекали крах народной власти в ГДР. А немецкая рабоче-крестьянская республика достигла тем временем больших успехов во всех сферах социалистического строительства и при поддержке братских социалистических стран получила полное международное признание. Аналогичные прогнозы формулировались в отношении всех социалистических государств, не говоря уже о Советском Союзе. Однако все эти «предвидения» (или, скорее, выдававшиеся за них расчеты и надежды) постигла та же бесславная участь.

Ошибка в предвосхищении хода событий — одна сторона медали. Другая связана с неспособностью предвидеть наступление тех или иных экономических и социальных потрясений, причем отнюдь не рядового значения. «Послужной список» футурологии явно не украшает тот факт, что ей не удалось даже самым приблизительным образом предвидеть глубину и остроту, например, валютного кризиса, поразившего капиталистическое хозяйство в начале 70-х годов и до сих пор далекого от сколько-нибудь эффективного разрешения. Более того, буржуазные теоретики, как и во многих других случаях, бодро опровергали высказывавшиеся марксистами предположения о намечающемся очередном туре кризиса финансового хозяйства империализма.

В последние годы к этим крупным просчетам добавились конфузы в угадывании исхода будничных текущих событий, которое можно отнести к разряду не самых сложных задач социальной прогнозности. Так, была допущена серия грубых ошибок при оценке вероятных результатов парламентских выборов в ФРГ, Англии, Франции и других капиталистических странах. Что же касается экономической конъюнктуры, то специалисты побаиваются предрекать даже общее направление ее развития: спад или подъем. Кажется, единственное, что можно предсказывать без риска попасть

¹² Оговоримся, что исследования будущего на Западе ведутся по многим направлениям. Американский социолог Э. Боулдинг различает, например, «социальных эволюционистов», «профессиональных или технократических дизайнеров будущего», «эко- и революционных футурологов» и т. д. См.: *Boulding E. Futurology and the Imaging Capacity of the West.*— *Teilhard Review*, L., 1972, vol. 7, N 1.

Не берясь судить о правомерности такой классификации, заметим, что в этой среде немало по-настоящему прогрессивных и серьезных ученых, хотя их кругозор в той или иной степени ограничен предрассудками буржуазного мышления. Поэтому термин «футурология», употребляемый в работе по необходимости, относится к основному ее отряду, добросовестно выполняющему социальный заказ правящего класса. Подробнее об этом см. гл. 3.

впросак,— это рост инфляции. А еще покойнее — выдавать альтернативный прогноз, напоминающий сводку погоды с допустимым отклонением, скажем, $\pm 50^\circ$.

Неудачи не могли не породить разочарования. Энтузиазм, вызванный появлением ЭВМ, сменился довольно критическим отношением к их возможностям. Кое-кто, ударившись в крайность, объявил математические методы вовсе не пригодными для оценки и прогнозирования социальных процессов. Стали подвергать сомнению и эффективность метода анкетирования, социальных опросов, совсем недавно представлявшего волшебной лампой, с помощью которой социолог-Аладдин брался открыть пещеру тайн общественной психики. Высказывалось, впрочем, и трезвое суждение, что в просчетах повинны не машины, а люди, увидевшие в кибернетике спасительное средство от всех социальных зол.

В чем же загвоздка? Ведь чуть ли не каждый год в распоряжение социологов и экономистов поступает новая совершенная вычислительная техника, меняется — и, надо полагать, не в худшую сторону — методика исследований, обогащается подсобный статистический материал. Все, казалось бы, должно вести если не к стопроцентной гарантии, то по меньшей мере к устойчивому повышению достоверности прогнозов. А результаты обратные.

Эта мистика имеет несколько объяснений. Прежде всего в ней повинна одна из особенностей познания, суть которой можно сформулировать примерно следующим образом: чем больше наша мысль проникает в механизм устройства тех или иных узлов и деталей природы и общества, тем больше перед ней возникает новых, неизвестных в прошлом проблем. Парадокс порожден не спекулятивной игрой ума, а оригинальной диалектикой гносеологического процесса. Раскрывая сущность какого-либо явления, мы обнаруживаем такие его связи с другими явлениями, о каких до сих пор не догадывались. Взятие следа ведет к новым откровениям и новым загадкам, вместе с расширением сферы знания расширяется, если можно так выразиться, сфера осознанного невежества, которое уже есть полужнание.

В соответствии с этим применение более изощренной техники и методики исследований оказывается продуктивным далеко не сразу и не всегда. Порой оно ведет к просчетам, каких не бывало, когда тот же исход выборов или экономическая конъюнктура определялись прикидкой «на глазок», при гораздо большем доверии к опыту и интуиции. Чем чувствительнее инструмент, тем выше не только точность измерения, но и вероятность ошибки под влиянием каких-то малоизвестных либо вовсе не известных факторов.

Другая, гораздо более серьезная причина просчетов в прогнозировании заключается в том, что развитие общественных процессов нередко опережает их теоретическое моделирование. Ускорение ритма социальной жизни и происходящие в ней изменения требуют постоянного обновления методологии социальных исследований, включая, естественно, те из них, которые имеют целью предвидеть будущее. Среди многообразных направлений этих изменений наи-

большие хлопоты прогностикам доставляет, видимо, сужение мирового экономического и политического пространства.

Еще К. Маркс, а затем В. И. Ленин обращали внимание на объективный процесс интернационализации хозяйственной и всей общественной жизни, который быстро развивается при капитализме и получит полный простор при социализме. Это научное предвидение сбылось в полной мере. Ныне все страны и континенты соединены разветвленной сетью экономических, политических и культурных связей, которая дает основание говорить о существовании мирового сообщества. Один из феноменов эпохи развала колониальной системы — укрепление независимости национальных государств — сопровождается неуклонным ростом их взаимозависимости. Новые средства коммуникации и транспорта, великие достижения и, к сожалению, не менее великие издержки технического прогресса, создание «абсолютного оружия» — все эти и многие другие причины порождают широкий круг общих интересов и проблем, которые приходится решать в условиях развертывающейся борьбы двух противоположных социальных систем.

Речь идет, казалось бы, о довольно банальных вещах, известных в общем виде каждому. Однако в том-то и дело, что прогностика нуждается в максимально точном учете всех факторов, оказывающих прямое или косвенное воздействие на исследуемый объект; не говоря уже о том, что это сложно само по себе, положение усугубляется крайней изменчивостью и величины, и роли таких факторов.

Скажем, для исхода избирательной кампании в США более или менее постоянную величину имеет дискуссия вокруг таких вопросов, как безработица, инфляция, расовые отношения — если иметь в виду внутреннюю политику; отношения с союзниками по НАТО и с Советским Союзом — если иметь в виду политику внешнюю. Но неожиданно (или искусственно) на одно из центральных мест перемещается какая-то новая проблема. Такой проблемой, например, во время президентских выборов 1976 г. стала реакция американского руководства на гипотетическое участие Итальянской компартии в правительстве своей страны. Высказывания кандидатов на этот счет, безусловно, оказали какое-то влияние на распределение голосов, и учесть подобный фактор заранее было, очевидно, столь же непросто, как непросто метеорологам, составившим безупречную сводку погоды для Европы, предвидеть последствия циклона, возникшего в последний момент где-то в Японском или Карибском морях.

Существует, таким образом, немало объективных причин, превращающих прогнозирование в дело исключительно трудное, а порой даже неблагоприятное. В полной мере считаясь с этими трудностями, следует, однако, сказать, что самая важная причина ошибок в угадывании частных моментов будущего и особенно неудачи всех попыток предвидеть общий ход событий, ахиллесова пята футурологии заключается в том, что она не опирается на цельную научную теорию общественного развития¹³.

¹³ Ийон Тихий, этот Мюнхгаузен космической эры, созданный воображением С. Лема, в сатирическом эпизоде о том, как люди XXVII в. пытались «усовер-